

УДК 182:2-(01)

Корнєєва Х. А.,
кандидат філологічних наук,
стариший викладач кафедри мовної
та загально гуманітарної підготовки іноземців
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЛОВО» В ПОЭЗИИ ЗИНАИДЫ ГИППИУС

У цій статті описаний приклад незвичайної реалізації концепту «Слово» в поезії одного з найбільш самобутніх авторів російського символізму Зінаїди Гіппіус. Відмінною рисою її поезії є містичний погляд на світ. У зв'язку з цим головним для автора є питання про досягнення трансцендентної Істини і Бога, а також про можливість вербальної передачі містичного досвіду. Концепт «слово» в поезії З. Гіппіус реалізований подвійно. З одного боку, Слово – це символ Бога, а з іншого – слова часто безсилі для вираження духовного досвіду. Ця амбівалентність у реалізації концепту робить поезію З. Гіппіус діалектичною.

Ключові слова: слово, реалізація, мовчання, трансцендентність, Істина, Бог.

В этой статье описан пример необычной реализации концепта «Слово» в поэзии одного из наиболее самобытных авторов русского символизма Зинаиды Гиппиус. Отличительной чертой её поэзии является мистический взгляд на мироздание. В связи с этим главным для автора является вопрос о постижении трансцендентной Истины и Бога, а также о возможности вербальной передачи мистического опыта. Концепт «слово» в поэзии З. Гиппиус реализован двояко. С одной стороны, Слово – это символ Бога, а с другой – слова зачастую бессильны для выражения духовного опыта. Эта амбивалентность в реализации концепта делает поэзию З. Гиппиус диалектической.

Ключевые слова: слово, реализация, молчание, трансцендентность, Истина, Бог.

This article described an example of an unusual implementation of the concept «word» in poetry of the one's of the most original authors of Russian Symbolism – Zinaida Gippius. A specific feature of her poems is a mystical view of the world. It's main problem is comprehension the transcendent Truth and God. Thereby a major question we can find in Z. Gippius' works is the possibility of verbal transmission of mystical experiences. The concept «word» in Z. Gippius' poems was implemented doubly. On the one hand, the word is a symbol of God, on the other hand, it often becomes absolutely powerless in transmission of transcendental experience. This ambivalence of the concept implementation makes Z. Gippius' poetry dialectical.

Keywords: word, implementation, silence, transcendence, Truth, God.

На продвинутом этапе изучения языка особое значение приобретает освоение его концептуальной, символической стороны, поскольку именно через

неё осуществляется взаимосвязь языка как знаковой системы с внеязыковой действительностью.

Одним из лучших способов постижения концептологической сферы языка, а также внеязыковых культурных реалий является знакомство с литературным творчеством авторов-носителей данного языка, поскольку в их случае живая речь как непосредственное выражение языкового сознания сочетается, как правило, с высоким уровнем владения литературным языком и его нормами. Кроме того, наиболее значительные литераторы обнаруживают глубокие познания в сфере культуры, истории, религии, философии, что даёт их произведениям дополнительную (часто многослойную) смысловую нагрузку, а следовательно вовлекает в работу множество языковых концептов и культурных символов. В этой связи особое внимание следует уделить поэтической образности, так как именно здесь максимально раскрывается выразительный потенциал языка.

Это утверждение в особенности характерно для поэзии символизма, где большая часть художественных образов работает в первую очередь на выражение определённого философского подтекста.

Ярким примером образности такого типа служит поэтическое творчество одного из ведущих представителей русского символизма – Зинаиды Гиппиус. Специфическая черта её творчества – концентрация на метафизической стороне бытия и – как следствие – реализация мистической стороны различных концептов.

Особо следует рассмотреть проблему словесного выражения трансцендентного (непроявленного, нерасчленённого), которая занимает значительное (если не ключевое) место в поэзии З. Гиппиус. В основе данной проблемы лежит вопрос о возможности словесного выражения уровня запредельного. Это приводит к тому, что концепт слова в творчестве поэта реализуется с весьма неожиданной стороны. Проблема словесной передачи мистического опыта, интуитивно познанной Истины вставала ещё в самых ранних стихотворениях З. Гиппиус, к примеру, в лирическом произведении

«Бессилие» (1893): *«Мне кажется, что истину я знаю, – / И только для неё не знаю слов»* [Гиппиус 1991:54].

Невозможность не только подобрать слова для передачи своего внутреннего состояния, а и просто прочувствовать его нашла отражение также в стихотворении «У порога» (1913): *«Но словом прикоснуться не умею / К живущему во мне – и в тишине. / Я даже чувствовать его не смею: / Оно как сон. Оно как сон во сне»* [Гиппиус 1991:161].

В своих произведениях З. Гиппиус нередко даёт художественное описание попыток творческой переработки несказанности в словесность. Как пример можно привести стихотворение «Они» (1904). В нём отражён момент поиска слов лирическим героем, «кружение» смыслов в его сознании, которые он не в силах уловить, чтобы выразить невыразимое: *«Игра и дымность в их привете, / Отсветы мыслей, тени слов... / Они – таинственные дети / Ещё несознанных миров»* [Гиппиус 1991:125].

Поражает лёгкость, с которой З. Гиппиус передаёт очень сложные и еле уловимые оттенки смыслов («отсветы мыслей», «тени слов»), чутко воспроизводя их в созданных ею сложных словесных конструкциях («они таинственные дети ещё несознанных миров»), которые служат для передачи и тонких психологических состояний и интеллектуальных озарений, глубоких истин бытия и музыкальной гармонии слова. Разум здесь невластен, ибо божественные истины находятся далеко за его пределами. Лирическому герою остаётся лишь наслаждаться «порханием» смыслов вокруг себя, безо всякой надежды уловить их и воплотить в слова: *«Я только слышу – вьются, вьются, / Беззвонный трепет я ловлю. / Играют, плачут и смеются, / А я, безвластный – их люблю»* [Гиппиус 1991:125].

Слово, по З. Гиппиус, само по себе есть ограничение, расчленение реальности. Именно в степени полноты бытия любое из существующих слов проигрывает молчанию как всецелому нерасчленённому единству. Ни одно слово не способно передать непостижимую полноту запредельности. Неявленность, которая есть нереализованность ни в чём конкретном

потенциально предполагает пребывание во всём. Так и молчание может нести в себе всё, за ним могут скрываться любые смыслы или же их полное отсутствие. Здесь потребность автора в поэтическом самовыражении сталкивается с бледностью конечного итога творческого акта. Это столкновение запечатлено в лирическом произведении «Колодцы» (1914): *«Слова, рождённые страданьем, / Душе нужны, душе нужны. / Я не отдам себя молчаньям, / Слова как знаки нам даны»* [Гиппиус 1991:175]. Но такой настрой сменяется разочарованием. Слово, реализованное в его узкой значимости меркнет в сравнении с безграничностью неизречённого Слова, хранящего в потенциале все значения: *«Слова в душе – ножи и копья... / Но воплощенные, в устах – / Они как тающие хлопья, / Как снежный дым, как дымный прах»* [Гиппиус 1991:175].

Эти строки в некотором смысле перекликаются с тютчевским «Мысль изречённая есть ложь». В поэтическом мире З. Гиппиус слова являются ложью, слабой тенью Истины из-за невозможности подобрать адекватные вербальные средства для выражения запредельной (выходящей за рамки конкретно-вещественного и временно-событийного) реальности. Но полноценному выделению антитезы «слово-молчание» мешает то, что сама трактовка образа Слова у З. Гиппиус антитетична по своей сути. Слово для неё – Бог. Проявленный, зримый Логос – в противоположность безграничному, безличному Абсолюту. Оно рождается из тьмы непроявленности, хаотической бездны вероятностей. Именно такое восприятие Слова отражено в стихотворении «Наше Рождество» (1915): *«И буду молиться снова: / Родись, Предвечное Слово! / Затепли тишину земную. / Обними землю родную...»* [Гиппиус 1991:182].

Обращение к «Предвечному Слову» отсылает читателя к Евангелию от Иоанна, в котором провозглашается божественная природа Слова – изначальная по отношению ко всему сущему. Здесь крайне важен один момент: в процитированном отрывке речь идёт не о словах, а именно о Слове. А это существенно меняет смысл высказывания.

Дело в том, что «Слово» – не просто собирательный образ слов как единиц языка, это сама идея словесного воплощения трансцендентного. Слово как сама идея слова. В нём как бы собраны все реализованные потенциалы и скрытые смыслы, и поэтому Слово в данном контексте так же всеобъемлюще-безмерно, как и Молчание. Ибо в Нём всё, и во всём нет ничего иного, кроме Него самого. Именно об этом свойстве Слова (которое противопоставляется словам как разрозненному множеству) автор говорит в стихотворении «Сиянья» (1937): *«Сиянье слов? О, повторять ли снова / Тебе, мой бедный человек-поэт, / Что говорю я о сиянье Слова, / Что на земле других сияний нет?»* [Гиппиус 1991:228]. Слова здесь кажутся неким платоновским миром идей – высшим по сравнению с миром материальных объектов окружающей действительности. Но Слово в таком случае – это уже сама Идея идей (объединённая, а значит Единая). Истина во всей её полноте. Это делает образ Слова зеркальным отражением образа Молчания.

Налицо интеграция противоположных смысловых полюсов в единое целое. Однако несмотря на идею о предвечном Слове, в своём поэтическом творчестве автор так или иначе вынужден иметь дело со стандартными словами человеческого языка. Отсюда естественным образом вытекает уже упомянутая выше проблема словесного выражения сокровенного, не расчлененного на вербально-логические составляющие опыта познания. Это в очередной раз порождает у З. Гиппиус идею о некоем мистическом Слове, в котором должна содержаться вся неискажённая и нерасчленённая Истина, лежащая за пределами рассудочного познания, разбитого на пункты и единицы множества слов познания. Эта мысль прозвучала и в более раннем стихотворении «Слово?» (1933), где название неслучайно употреблено с вопросительным знаком: *«Проходили они, уходили снова. / Не могли меня обмануть»* [Гиппиус 1991:269]. – так говорила З. Гиппиус о бедных словах человеческого языка, и тут же: *«Есть какое-то одно слово, / В котором вся суть. / Другие – сухой ковыль. / Другие все – муть, / Серая пыль»* [Гиппиус 1991:269].

Но, судя по последующим строкам данного стихотворения, искомое лирическим героем поэта Слово словом (в обычном понимании) на деле не является. Оно произносимо ни на одном языке, но мистическим образом слышится в звуках хаоса надвигающейся смерти: *«Шла девочка через улицу, / Закричал ей слово автомобиль... / И вот, толпа над ней сутулится, / Но девочки нет – есть пыль»* [Гиппиус 1991:270]. Оно же замкнуто в неразрешимом молчании животных, не знающих членораздельности человеческой речи. Именно они своей немотой изрекают Слово-Единство: *«Но слово знают звери, / Молчаливые звери: / Собачка китайская / Голая, с кожей грубой, / В дверях какого-то клуба / Дрожит вечером майским, / Смотрит сторожко, – / Молчит тринадцать лет, / Как молчит и кошка / В булочной на Muette»* [Гиппиус 1991:270]. Это Слово – место пересечения речи и молчания. Оно не противостоит Молчанию, а напротив – сливается с ним, ибо также всеохватно и неделимо. Это Слово-не-Слово.

Особенно показательно сходство между этим загадочным Словом-не-Словом и «предвечным» Божественным Словом. Их объединяет универсальность, нерасчленённость, неограниченность конкретным смысловым значением, что неизменно ставит знак равенства между ними и феноменом Молчания. Как и Божественное Слово, Слово-не-Слово можно считать связующим звеном между вербальностью и невербальностью, за счёт которого происходит синтез антитез, жизненно необходимый для лирики З. Гиппиус. В этой связи вспоминаются строки из гораздо более раннего стихотворения Д. Мережковского – 1892 г. – *Тишина: «Бог – не в словах, не в молитвах, / Не в смертоносном огне, / Не в разрушение и битвах, / Бог – в тишине»* [Мережковский 2000:58].

Ещё один немаловажный пункт исследования данной проблемы – вопрос о возможности / невозможности вербального общения между людьми и выводящийся непосредственно из него пункт об этике словесности. Говоря об этом, нельзя не отметить совершенно особое отношение автора к поэтическому творчеству. Так, в своём письме к З. Венгеровой (27.05.1897). З. Гиппиус

писала: *«Я ведь редко пишу стихи и пишу их особенно, с тем чувством, с каким другие молятся. И потому для меня, только для меня одной, тут каждое слово важно, а для других оно не имеет силы, я это понимаю и покоряюсь»* [Гиппиус 1991:13]. То есть акт сотворения поэтического произведения для З. Гиппиус был священным. Но подобное молитвенное восприятие акта словесного выражения делает процесс поэтического творчества и его результат глубоко интимным и – как следствие – недоступным для понимания посторонними. Эту мысль З. Гиппиус высказала в предисловии к своему первому сборнику, которое носило название «Необходимое о стихах» (1904). Здесь, сравнивая процесс стихосложения с молитвой, она рассуждала о невозможности подлинного понимания стихов кем-то, кроме их автора.

Мысль об оторванности людей друг от друга, их разрозненности, неслиянности их слов и молитв, выражена здесь предельно чётко: *«И вот, мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся – в стихах, как умеем, [...]; виновны ли мы, что каждое «я», в наше время, теперь, сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я», и потому, непонятным ему и ненужным?»* [Гиппиус 1991:47]. В процессе своих рассуждений, поэт приходит к неутешительному выводу о том, что стихи стали никому не нужны по той причине, что исчезла *«общность молитвенного порыва»*: *«...было время, когда стихи принимались и понимались всеми. [...] И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие. [...] Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве...»* [Гиппиус 1991:47]. По мнению З. Гиппиус, раньше *«дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу»*. Теперь же у каждого свой отдельный – осознанный или неосознанный – Бог. *«А потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие, молитвы»* [Гиппиус 1991:48].

Пожалуй, наиболее кратко и одновременно ярко с предельной степенью исповедальности эта мысль о сакральности и крайней изолированности, индивидуализированности процесса словесного проявления внутреннего мира

прозвучала в стихотворении 1918 года «Есть речи»: *«У каждого свои волшебные слова. / Они как будто ничего не значат, / Но вспомнятся, скользнут, мелькнут едва, – / И сердце засмеётся и заплачет. / Я повторять их не люблю; я берегу / Их от себя, нарочно забывая. / Они мне встретятся на новом берегу: / Они написаны на двери Рая»* [Гиппиус 1991:206]. Данные строки звучат в унисон строки из написанного на пятнадцать лет раньше стихотворения П. Соловьёвой «Мы живём и мертвеем» (1903): *«Но душой неусталой / Мы должны подстеречь / Для любви небывалой / Небывалую речь»* [Смирнова 2009:119].

О степени необходимости словесного самовыражения лирические герои З. Гиппиус высказываются подчас противоположным образом. Для начала следует сказать о том, что – как отмечают К. Азадовский и А. Лавров – *«молчание» – истинно религиозное состояние для Гиппиус* [Гиппиус 1991:13]. И причина такого отношения к молчанию отнюдь не в пренебрежении вербальностью как таковой, а в том, что молитвенное восприятие поэтического творчества не терпело обывательски небрежного отношения к слову. Любое слово, брошенное небрежно и всуе нивелируется, теряет свою ценность, и это равносильно богохульству, подобно тому, как это отображено в стихотворении *Отдых* (1914): *«Слова – как пена, / Невозвратимы и ничтожны. / Слова – измена, / Когда молитвы невозможны»* [Гиппиус 1991:180]. Словесное расточительство неуместно, по мнению поэта в отношении наиболее глубинных чувств, суть которых должна быть скрыта от посторонних, ибо никакими словами всё равно невозможно отобразить всю глубину чувств любящего сердца, не исказив тем самым этих чувств, как, к примеру, в стихотворении *«Родное»* (1920): *«Не назову родное имя, / Любовь безмолвная свята. / И чем тоска неутолимей, / Тем молчаливее уста»* [Гиппиус 1991:219].

Так проявляется идея неприкосновенности тайны, недолжности разрушения её словом.

Иными словами, образ Слова в поэзии Гиппиус как бы распадается на две половины: слово как единица речи и Слово как Речь в потенциале –

вещающая все слова, но не реализованная, ибо реализация речи не означает выбор нескольких слов из множества возможных – определение, ограничение, тогда как потенциальное, но не произнесённое Слово может быть любым. В этом заключается причина диалектического отношения поэта к данному концепту.

Нельзя не отметить также, что творчество З. Гиппиус, вне всякого сомнения, является интересным не только как необычный пример реализации концепта «Слово», но и как один из наиболее значимых образцов русской метафизической поэзии и, собственно, символизма (что в свою очередь значимо в культурологическом аспекте изучения языка).

БИБЛИОГРАФИЯ

Гиппиус 1991 – Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения. Проза / З. Гиппиус. – СПб. : Художественная литература, 1991. – 678 с.

Мережковский 2000 – Мережковский Д. Стихотворения и поэмы / Д. Мережковский. – М. : Академический проект, 2000. – 928 с.

Смирнова 2009 – Смирнова Л. Золотой сон души: о русской литературе рубежа XIX – XX вв. / Л. Смирнова. – М. : Водолей, 2009. – 392 с.